

МАРИНА ХАМИЦЕВИЧ

ГРАДУС

ЧРЕЗМЕРНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ АЛКОГОЛЯ
ВРЕДИТ ЗДОРОВЬЮ

18+

Марина Хамицевич

Градус

<https://litres.ru/73991086>

SelfPub; 2026

Аннотация

ВНИМАНИЕ: книга содержит сцены употребления алкоголя, курения, упоминания зависимости, лечения и срывов. Автор не пропагандирует алкоголь, табак и наркотики. Все подобные эпизоды показаны как часть художественной истории о вреде зависимости и её последствиях.

Зависимость редко начинается с падения. Иногда она приходит тихо – с доставкой еды, любимой музыкой, уютным диваном и фразой: «Ну мы же просто за...».

Арсений возвращается из командировки, Виолетта встречает его нежным «Сенечка», и их пятничный вечер выглядит обычным счастьем взрослых людей: смех, разговоры, воспоминания о море, планы на завтра. Только завтра всё чаще откладывается. Один бокал превращается в привычку, привычка – в оправдание, а тепло дома постепенно сменяется тревогой.

«Градус» – история о любви, которая пытается удержаться там, где каждый день становится проверкой. О семейной нежности, усталости, самообмане и той тонкой границе, за которой уютный вечер уже не отдых, а начало зависимости.

Марина Хамицевич

Градус

Глава 1

Глава 1. «Пятница с доставкой»

Арсений приехал в пятницу в восемь сорок, когда в городе уже застряли уличные фонари: окна домов горели тёплыми квадратами, во дворе хлопали дверцы машин, у подъезда кто-то смеялся так громко, будто хотел донести своё настроение всему району.

Лифт поднимался медленно, с ленивым гулом, и Арсений стоял внутри с дорожной сумкой у ног, в куртке, пропахшей пылью, чужими духами, кофе с заправки и командировочной усталостью. Он смотрел на своё отражение в мутной металлической стенке лифта и криво усмехался.

Тёмно-русые волосы лежали как попало, у висков уже заметно серебрилась ранняя проседь, которую Виолетта называла «солидностью», а он – «подарком от подрядов». Серо-зеленые глаза были уставшие, но живые. Крепкое тело просило душ, диван и тишину, а душа – домой. Именно домой, где Виола, родная кухня, музыка из колонки и запах еды, которую она наверняка заказала с запасом, потому что «ты же с дороги, Сенечка, а с дороги мужчина ест, а не ко-

вырывается».

Лифт дернулся и остановился. За дверью уже слышались её шаги. Быстрые, лёгкие, нетерпеливые. Арсений не успел достать ключи, как дверь квартиры распахнулась.

– Сенечка, – выдохнула Виолетта так мягко, что с него за одну секунду слетели две недели пыли, разговоров с прорабами, ночевок в хостеле и чужих будильников. Она стояла босиком на теплом полу, в домашнем платье, с тёмно-каштановыми волосами, собранными кое-как, но ей это шло сильнее любой укладки. Карие глаза сразу блеснули, влажно и радостно, и Арсений даже не успел пошутить. Она обхватила его за шею, прижалась всем своим стройным телом, и он, бросив сумку у порога, крепко сжал её в руках.

– Ну всё, – пробормотал он ей в волосы. – Командировка официально закончилась. Можно выдохать.

– Выдыхай, – она отстранилась, оглядела его лицо и нахмурилась с показной строгостью. – Только сначала разувайся. Ты мне сейчас весь ремонт перекрестишь этой грязью. Как ты умудрился-то на асфальте так много грязи принести?

– Год ремонту, а ты всё его охраняешь, как музей.

– Потому что я помню, как ты выбирал затирку. Три дня. Три, Арсений.

– Я мужчина обстоятельный.

– Ты мужчина, который в магазине плитки довёл консультанта До нервного тика и желания сменить профессию.

Он рассмеялся, и этот смех разошелся по прихожей, за-

цепил новые светлые стены, аккуратную тумбу для обуви. Квартира действительно ещё держала вид недавнего ремонта: ровные линии, дорогая фурнитура, чистые фасады кухни, мягкий свет под потолком. Всё было сделано «на годы», как говорил Арсений.

Виолетта тогда фыркала: «На годы – это ты про диван или про нас?»

Он отвечал: «Про нас диван выдержит, если мы будем вести себя прилично».

Прилично они в тот вечер начинали. По крайней мере, так это выглядело. Виолетта забрала у него куртку, повесила на плечики и заметила:

– Ты похудел.

– Это называется высушился на объекте. Там кормят так, что даже котлеты выглядят уставшими.

– Зато глаза наглые остались.

– Серо-зелёные, между прочим. Наглость там только по праздникам.

– Сегодня праздник, значит.

– Естественно. Я дома.

Она улыбнулась, и в этой улыбке сразу стало видно, как она скучала. Не словами, не долгими признаниями, а тем, как быстро поправила ему ворот футболки, как провела пальцами по его щеке, задержавшись на щетине, как посмотрела на него снизу вверх и уже хотела сказать очередную нежность, но спрятала её за деловитостью.

– Иди в душ. Еда через двадцать минут, бутылка в холодильнике, бокалы я достала. Арсений остановился на полпути.

– Какая предусмотрительная женщина.

– Директор магазина не может быть непредусмотрительной. У нас там если батарейки к зайцу не положил – ребёнок плачет, мама напишет гневный отзыв, будто это я лично испортила ей семейное счастье.

– Виолочка, ты и зайца победишь, и маму переубедишь.

– Я сегодня троих переубеждала, – она поджала губы, но без злости. – Одну маму, одного папу и одного поставщика, который решил, что я родилась вчера и с калькулятором не дружу.

– Ошибся человек. Ты с калькулятором опаснее, чем я с шуруповертом.

– Ты с шуруповертом опасен для мебели.

– Зато харизматичен. Это добавляет мне мужественности.

– Иди уже, харизма припыленная.

Пока он был в душе, Виолетта ходила по кухне и поправляла то, что не нуждалось в поправке. Подвинула салфетки, проверила тарелки, достала сыр, убрала его обратно, снова достала. В открытое окно тянуло прохладой. С улицы долетали голоса соседей: кто-то спорил у подъезда, женщина звала ребёнка домой, вдалеке хлопнула крышка мусорного контейнера. Обычная пятница. Ничем не примечательная, тёплая, домашняя. На столе уже стояли два бокала. Виолетта

посмотрела на них и усмехнулась сама себе.

«Ну не чай же за приезд пить».

Мысль была лёгкая, привычная, без тревоги. Так думали все вокруг. Так делали друзья. Так начинались их лучшие вечера: еда, музыка, разговоры, Арсений рядом, его ладонь на её колене, её смех в ответ на его глупости. Звонок домофона разрезал кухонный уют.

– Доставка! – крикнула Виолетта в сторону ванной. – Сенья, ты успел вернуться к самому главному.

– Я всегда возвращаюсь к еде, – отозвался он из-за двери. – У меня с ней крепкий брак.

– Осторожнее, у твоей жены хрупкое терпение и доступ к ножам.

– Я пошутил, моя родная.

Курьер принёс большие пакеты, от которых сразу запахло горячим мясом, специями, запеченными овощами и хлебом. Виолетта расплатилась, закрыла дверь и прислушалась, как лифт снова загудел за стеной, увозя чужого человека вниз.

Арсений вышел из ванной посвежевший, с влажными волосами, в домашней футболке, которая обтягивала широкие плечи. Виолетта всегда любила в нём эту крепость: не перекачанных бройлеров, а простую мужскую силу. Он мог устать, ворчать, злиться, но рядом с ним ей часто казалось, что стены стоят ровнее.

– О, – он втянул носом запах еды. – Вот теперь я верю, что меня ждали.

– Тебя ждали. Просто еду подали прямо к столу.

– Это из моего любимого ресторана. Виолочка, ты знаешь как я тебя люблю?

Он открыл холодильник, достал бутылку, поставил на стол с таким видом, будто вносил финальную деталь в картину семейного счастья. Виолетта включила музыку. Негромкую, с мягким битом, под которую удобно разговаривать, резать хлеб и делать вид, что завтра обязательно будут дела.

– За приезд? – Арсений поднял бокал.

– За приезд, – Виолетта коснулась своим бокалом его.

Стекло звякнуло тонко и приятно. Арсений сделал первый глоток, выдохнул, откинулся на спинку стула.

– Вот теперь хорошо.

– Там совсем замучили?

– Там все друг друга мучают по расписанию, – он взял закусить кусок мяса, обжегся, но сделал вид, что так и надо. – С утра совещание, потом объект, потом один умный человек говорит, что надо было сделать вчера то, что он сам согласовал только сегодня.

– О, родственная душа. У меня поставщик такой же. Пришлал не тех роботов, потом доказывал, что дети разницы не заметят. Дети, Арс! Они видят разницу между оттенками синего у динозавра, которому три минуты назад сами придумали имя. Арсений засмеялся.

– Представляю тебя в этот момент.

– Нет, не представляешь. Я была спокойна.

– То есть опасна.

– Абсолютно. Я сказала ему таким голосом, что у нас стажёр за кассой выпрямился.

– Виола, ты же можешь одним взглядом заставить его понять что он не прав. .

– Могу. Но сегодня не стала. Я добрая.

– За доброту, – он снова поднял бокал.

Она прищурилась.

– Мы же только выпили.

– За приезд. А это за твою доброту. Разные юридические основания.

– Ах, юридические. Тогда ладно.

Они выпили ещё. Еда была горячей, музыка ровной, вечер расправлялся перед ними, как плед. Арсений рассказывал про объект, про водителя, который знал все ямы на трассе по именам, про коллегу, уверенного, что хороший сон – это миф для офисных сотрудников. Виолетта смеялась, подперев подбородок ладонью. Её карие глаза теплели, когда он оживлялся. Она любила его таким – шумным, немного грубым, смешным, с этой мужской привычкой превращать любую ситуацию в историю.

Потом рассказывала она. Про магазин, где интерактивный медведь внезапно начал петь на весь зал и напугал пенсионера. Про девочку, которая выбирала куклу и строго спросила, есть ли у той «характер». Про новую сотрудницу, которая улыбалась покупателям мужчинам так сладко, что Виолетта

мысленно считала секунды до первой жалобы.

– Не будь вредной, – сказал Арсений, накладывая ей овощи. – Девочка старается.

– Я не вредная. Я профессиональная. А это не очень нравится мамочка, у которых не так много времени, чтобы следить за собой.

– Профессионально вредная.

– Сеня.

– Всё, молчу. У тебя глаза стали директорские.

Она хотела обидеться, но не удержалась и улыбнулась.

– Вот видишь, дома меня никто не уважает.

– Дома тебя любят. Это выше по рангу.

Он сказал это легко, без пафоса, но Виолетта смягчилась.

Потянулась к нему через стол, коснулась пальцами его руки.

– Я скучала. Арсений накрыл её ладонь своей.

– Я тоже, моя родная.

Несколько секунд они молчали. В этой тишине не было пустоты. Только музыка, далёкий смех с улицы и их руки на столе между тарелками, салфетками, бокалами и едой, заказанной «с запасом». Потом Арсений кивнул на бутылку.

– За дом?

– За дом, – тихо согласилась Виолетта.

Они выпили за дом. За ремонт, который пережил первый год. За кухню, на которой они спорили из-за ручек шкафов. За спальню, где Виолетта однажды два часа переставляла лампу с одной тумбочки на другую, а Арсений сказал, что

разница видна только людям с высшим дизайнерским чутьём. За балкон, который они собирались превратить в уютное место для утреннего кофе, но пока хранили там коробку с остатками плитки и старый чемодан.

– Кстати, про чемодан, – Виолетта оживилась. – Нам бы правда куда-нибудь съездить.

– Надо, – сразу сказал Арсений. – Я в командировке об этом думал. Раньше же мы срывались легко. Помнишь море? Как мы приехали в аэропорт за четыре часа до вылета, потому что ты боялась опоздать.

– Потому что ты собирался утром.

– Я был собран внутренне.

– Внутренне ты искал паспорт в морозилке.

– Один раз человек положил документы рядом с пельменями, и теперь ему это вспоминают всю жизнь.

– Потому что это смешно, Арсюша.

Он довольно хмыкнул, услышав домашнее «Арсюша». Такое она говорила не при друзьях, не при чужих, только когда между ними было тепло и можно было снять все роли.

– А Прагу помнишь? – спросил он. – Ты тогда купила шляпу.

– Прекрасную шляпу.

– Огромную. В ней можно было принимать спутниковый сигнал.

– Зато я была элегантная.

– Ты была такая красивая, что официант уронил меню.

Виолетта рассмеялась и опустила глаза, хотя комплименты от мужа слышала не впервые. Ей нравилось, когда он вспоминал её прежнюю – лёгкую, загорелую, с растрёпанными волосами и смехом без усталости. Тогда они правда много ездили. Море, экскурсии, дешёвые авиабилеты, чемоданы, которые никак не закрывались. Утренний кофе в незнакомых городах. Фотографии, где Арсений держал её за плечи, а она шурилась от солнца и показывала язык в камеру.

Сейчас эти фотографии лежали на полке, в альбомах по годам. До них редко доходили руки.

– Весной можно куда-нибудь, – сказала она. – Хоть на неделю.

– Можно. Я график посмотрю.

– Ты всегда говоришь: «график посмотрю».

– Потому что у меня есть график.

– И у меня есть график. Но я хотя бы делаю вид, что жизнь важнее таблиц.

– Вот за то, что мы вообще молодцы, – Арсений взял бутылку.

Виолетта посмотрела на него с прищуром.

– Это уже который тост?

– Важный. Обобщающий.

– Ты опасный человек с обобщениями.

– Зато твой.

– Ладно. За то, что мы вообще молодцы.

Бокалы снова звякнули. На этот раз звук вышел чуть

громче, чем нужно, и Виолетта засмеялась без причины. Арсений подхватил. Смех был тёплый, домашний. Еда остывала, музыка стала громче, потому что Арсений прибавил звук, доказывая, что эту песню надо слушать «нормально, а не как в очереди за пирогами.

– Завтра встанем пораньше, – сказала Виолетта, когда тарелки отодвинулись, а бокалы снова наполнились.

– Съездим в строительный, купим полку в ванную.

– Обязательно.

– Ты даже не слушаешь.

– Слушаю. Полку. Ванную. Строительный. Я весь внимание.

– Потом к маме заедем.

Арсений замер с бокалом у губ.

– К твоей?

– Конечно, к моей. Твоя же на даче.

– Тогда надо морально подготовиться.

– Она тебя любит.

– Она меня мучает. У неё миллиард вопросов по поводу и без.

– Она всех изучает. У неё характер такой.

– У твоей мамы не характер, а служба контроля качества.

Виолетта засмеялась, но сразу погрозила ему пальцем.

– Не начинай. Завтра заедем.

– Заедем, Виолочка.

Он произнёс это мягко, с такой податливой интонацией,

что она сразу поняла: завтра уже под вопросом. Но спорить не стала. Вечер был слишком хороший, чтобы портить его полкой, мамой и реальностью.

За окном редели голоса. Машины проезжали тише, двор темнел, в окнах напротив люди закрывали шторы. В их кухне свет оставался тёплым, музыка стала медленнее, а разговоры – длиннее и тяжелее. Арсений рассказывал одну командировочную историю второй раз, но с новым финалом.

Виолетта слушала, кивала, потом перебила:

– Ты это уже говорил.

– Не говорил.

– Говорил.

– Значит, история хорошая, раз выдерживает повтор.

– У тебя всё выдерживает повтор. Особенно тосты.

Он весело фыркнул.

– Женщина, я приехал домой. Имею право.

– Имеешь, – согласилась она, глядя на него уже сонными глазами. – Только завтра не ной.

– Я когда ныл?

– В прошлый раз ты разговаривал с минералкой и просил её быть добрее.

– Она была не соленая.

– Она была газированная.

– Вот именно. Агрессивная вода.

Виолетта смеялась, закрывая лицо ладонью, а Арсений смотрел на неё и думал, что ради этого стоило ехать две-

надцать часов, терпеть совещания, чужие кровати, пыльные дороги и усталые лица. Она смеялась – и квартира оживала. Его Виолла, тонкая, горячая, с карими глазами, в которых любая эмоция появлялась раньше слова.

Потом они переместились на диван. Недоеденная еда осталась на столе, тарелки никто не убрал. Бутылка пошла с ними, потому что «ну не оставлять же сиротой». Арсений сказал это с такой серьёзной миной, что Виолетта снова расмеялась и назвала его дураком. Он ответил, что дурак, но домашний, проверенный. На диване они открыли старые фотоальбомы.

На первой странице было море. Виолетта в широких очках и той самой шляпе. Арсений рядом, загорелый, с коротко стриженными тёмно-русыми волосами, без проседи, с дерзким взглядом человека, который ещё не знал, как быстро усталость умеет копиться в теле.

– Смотри, какие мы, – сказала Виолетта.

– Красивые.

– Лёгкие.

Арсений не сразу ответил. Сделал глоток, посмотрел на экран внимательнее.

– Мы и сейчас красивые.

– Я сказала лёгкие.

– Лёгкость – это настрой.

– Ага. И отпуск.

– Значит, сделаем отпуск.

– Когда?

– Скоро.

– Скоро – это любимый месяц взрослых людей.

Он повернулся к ней, хотел пошутить, но увидел, как у неё погрустнели глаза. Арсений поставил бокал на журнальный столик, притянул её к себе.

– Виолетточка, поедем. Честно. Я разберусь с графиком, ты со своими игрушками, и поедем.

– Ты всегда умеешь сказать так, что я верю.

– Это талант.

– Это подлость.

– Талантливая подлость.

Она ткнула его пальцем в бок.

– Не умничай.

– Не могу. Я же старший в семье.

– На пять лет. Не разгоняйся, дедушка.

– Дедушка сейчас обидится и уйдёт к холодильнику.

– Там больше нечего искать.

Арсений медленно повернул голову к кухне.

– Это вызов?

– Это предупреждение.

Они оба рассмеялись, и смех этот ещё держал их на поверхности. Но ночь уже подтачивала края. Слова становились вязкими. Паузы длиннее. Фотографии сменялись одна за другой: аэропорт, отель, море, улицы, их лица. В какой-то момент Виолетта положила голову ему на плечо и закрыла

глаза.

– Завтра точно надо полку купить, – пробормотала она.

– Точно.

– И к маме. Она давно просила заехать, да я все занята.

– Угу.

– Ты не угукай. Ты обещаешь?

Арсений посмотрел на бокал, на упавший к ногам альбом, на её волосы у себя на груди.

– Обещаю, моя родная.

Он правда в эту секунду собирался выполнить. Утром встать, принять душ, выпить кофе, поехать за полкой, заехать к её маме, вечером, может быть, прогуляться. Нормальная суббота нормальных людей. Он даже увидел её на миг так ясно, что поверил. Потом налил в бокалы остатки.

– Последний? – спросила Виолетта, не открывая глаз.

– Последний.

– Ты врешь же.

– Я сама честность.

Она слабо улыбнулась. Не обиделась. Не остановила. Просто придвинулась ближе, как будто рядом с ним любое завтра всё равно можно будет починить.

Ночь закончилась без скандала. Просто уснули на диване под фотографии, музыку и синий свет телевизора. На кухонном столе остались тарелки, салфетки, бокалы, недоеденный хлеб и пустая бутылка, которая ничем не отличалась от сотен таких же пятничных бутылок в чужих хороших квартирах.

Утро пришло резко. Арсений открыл глаза от неприятного тепла над губой. Сначала не понял, где он. Спина затекла от дивана, во рту пересохло, голова была тяжелая, будто её всю ночь держали в тесном ящике. Телевизор показывал заставку. Музыка давно отключилась. Он поднял руку к лицу и увидел на пальцах кровь.

– Да твою же... – хрипло выдохнул он и сел.

Мир качнулся не сильно, но достаточно, чтобы пришлось схватиться за край дивана. Кровь шла из носа тонкой горячей струйкой. Арсений запрокинул голову, потом вспомнил, что так нельзя, наклонился вперёд, зажал нос пальцами. Руки дрожали. Не мелко от холода, а противно, предательски, будто жили своей отдельной жизнью. Он посмотрел на них с раздражением.

– Хорош, – прошептал сам себе. – Просто устал. Просто дорога.

Виолетта лежала рядом, свернувшись на боку, тёмные волосы рассыпались по подушке, лицо было сонное, помятое и всё равно красивое. Она поморщилась, не открывая глаз, и потянула на себя плед.

– Арсюша... – голос у нее был низкий, сиплый после ночи. – У нас осталось хотя бы пиво?

Он замер с салфеткой у носа. В квартире было тихо. Арсений посмотрел на Виолетту, на свои дрожащие пальцы, на пустой бокал у дивана и вдруг не нашёл ни одной шутки.

– Не знаю, – сказал он после паузы.

И сам не понял, чего в его голосе было больше: досады, усталости или облегчения от того, что она спросила первой.